ВАЛЕРИЙ СНАТКИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР

КОЛХОЗ. ТОМ 1

Валерий Снаткин

Возвращение в СССР: Колхоз. Том 1

https://litres.ru/74771427
SelfPub; 2026

Аннотация

В 2026 году я владел многомиллиардным агрохолдингом, пока бывшие партнеры не всадили мне пулю в спину. Очнулся я в мае 1974-го — в теле двадцатитрехлетнего Максима Громова, младшего зоотехника в нищем колхозе «Красный партизан».

Вокруг — разруха, пьяные скотники, тощие коровы, вороватый парторг и мертвая техника. Райком требует план, а в амбарах гуляет ветер.

Ничего, прорвемся! У меня в голове — технологии будущего, жесткая хватка антикризисного управляющего и знание экономики. Несуны полетят с работы, трактора заведутся, а хозрасчет заставит лодырей пахать за троих. Я превращу эту глушь в образцовую агроимперию, даже если для этого придется поставить на уши весь Союз!

Содержание

Дисклеймер	4
Пролог	5
Глава 1. Похмелье в семьдесят четвертом	9
Глава 2. Хозяйство в руинах	14
Глава 3. Знакомство с «элитой»	20
Глава 4. Война с несунами	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валерий Снаткин
Возвращение в СССР: Колхоз. Том 1

Дисклеймер

Данное произведение является художественным вымыслом. Все имена, фамилии, названия населенных пунктов, колхозов и предприятий вымышлены, а любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны. Автор не преследует цели точного документального воспроизведения исторической эпохи и оставляет за собой право на художественные допущения.

В книге содержатся сцены употребления табачной и алкогольной продукции, а также демонстрация противоправных действий. Автор не пропагандирует курение, употребление алкоголя и насилие. Вся информация носит исключительно художественный характер и предназначена для читателей старше 16 лет.

Пролог

Ноябрьский дождь вперемешку со снегом хлестал по лобовому стеклу бронированного «Мерседеса», но внутри салона было тихо и тепло. Пахло дорогой кожей, хорошим табаком и победой.

Михаил Громов, сорокапятилетний владелец агрохолдинга «Юг-Зерно», откинулся на спинку кресла и устало потер переносицу. На коленях лежала толстая синяя папка — финальный аудит, который он три месяца тайно собирал через независимых ревизоров. Цифры в ней тянули на двадцать лет строгого режима.

— Всё, Костя, приехали, — негромко сказал Михаил своему водителю и начальнику охраны в одном лице. — Старый элеватор у промзоны. Глуши мотор.

Костя, огромный бывший десантник с лицом, высеченным из гранита, покосился в зеркало заднего вида:

— Михаил Петрович, зря вы без подстраховки. Игорь Сергеевич человек скользкий. Такие деньги на кону — три миллиарда из оборотки вывели. Не по-партнерски это.

— Игорь мне как брат был, с девяностых вместе землю пахали, — усмехнулся Громов, хотя на душе скребли кошки. — Я ему дал шанс. Вернет деньги в компанию до понедельника — разойдемся тихо, без силовиков. Он не дурак, Костя. Понимает, что против этих бумаг не попрет. Жди здесь, я на

десять минут.

Михаил вышел под ледяной ветер, плотнее запахнул кашемировое пальто и шагнул в распахнутые ржавые ворота заброшенного зернохранилища.

Внутри огромного бетонного ангара гулял сквозняк. Пахло прелым зерном, сыростью и старым мазутом. Под потолком тускло мигала одинокая светодиодная лампа, бросая длинные рваные тени на бетонные колонны.

У дальнего транспортера стоял Игорь. Рядом с ним переминались с ноги на ногу двое крепких парней в одинаковых черных куртках. Охрана.

— Привет, Миша, — голос партнера звучал непривычно глухо. — Один пришел? Уважаю.

— Привет, Игорь. Я слово держу, — Громов подошел ближе и протянул синюю папку. — Вот копии. Оригиналы в банковской ячейке, ключ у моего адвоката. Если со мной что-то случится, завтра утром это ляжет на стол генералу в Следственный комитет. У тебя есть три дня, чтобы закрыть дыру в бюджете холдинга.

Игорь взял папку, но даже не открыл ее. Он посмотрел на Михаила с какой-то странной, тягучей жалостью.

— Знаешь, в чем твоя главная беда, Миша? Ты так и остался идейным. Земля, урожай, честный бизнес, модернизация... А людям нужны деньги. Здесь и сейчас. Мне надоело вкладывать прибыль в твои новые комбайны и элеваторы. Я жить хочу.

— Ты воровал у своих же работников, Игорь. У тех, кто в поле с пяти утра вкалывает.

— Плевать мне на колхозников, — Игорь криво усмехнулся и кивнул кому-то за спину Михаила. — А про ячейку банковскую ты хорошо придумал. Жаль только, адвокат твой сегодня утром в Домодедово на рейс в Дубай сел. С твоим ключом. За пять миллионов долларов люди становятся удивительно сговорчивыми.

Холодная волна прокатилась по спине Громова. Он резко дернулся, пытаясь выхватить из кобуры под мышкой наградной «Глок», но не успел.

Грохот выстрела разорвал тишину ангара.

Спину обожгло так, словно между лопаток воткнули раскаленный лом. Ноги мгновенно стали ватными. Михаил рухнул на холодный, усыпанный шелухой бетон. Вторая пуля ударила в плечо, переворачивая его на спину.

Снаружи донеслись крики Кости и частые хлопки пистолетных выстрелов — верный охранник рвался на выручку, но силы были неравны.

Михаил смотрел в темный, закопченный потолок старого элеватора. Дышать становилось все труднее, во рту появился солоноватый привкус крови. Обида жгла сильнее пуль. Столько лет пахоты, столько планов... Он ведь только-только вывел холдинг на мировой уровень, мечтал возродить настоящее русское село, без воровства, без откатов, где человек труда — хозяин на своей земле.

«Эх, мне бы лет двадцать сбросить, — пронеслась последняя, угасающая мысль. — Да в то время, когда слово совесть еще не продавалось за баксы... Я бы показал, как надо хозяйство вести...»

Тьма накрыла его с головой, заглушив и шум дождя, и выстрелы, и собственное сердцебиение.

Глава 1. Похмелье в семьдесят четвертом

Голова раскалывалась так, словно по ней всю ночь методично стучали кувалдой. Во рту стоял мерзкий привкус дешевой сивухи и кислой капусты, а спина… Спина не болела.

Михаил резко распахнул глаза и судорожно схватился за грудь. Никакой дыры от пули. Никакого холодного бетона старого элеватора. Вместо этого под ладонями оказалась грубая, колючая холщовая простыня, пахнущая хозяйственным мылом и сушеной полынью.

Он приподнялся на локтях, оглядываясь. Скрипнула старая панцирная сетка кровати, продавленная почти до самого пола.

Вокруг расстилалась незнакомая комната: побеленные известкой бревенчатые стены, ситцевые занавески в мелкий цветочек на крошечном оконце, пузатый платяной шкаф с облупившимся лаком и круглый стол, застеленный клеенкой в красную клетку. На краю стола стоял граненый стакан с недопитой мутной жидкостью и валялась корка черного хлеба.

— Что за чертовщина?.. — прохрипел Михаил и замер.

Голос был не его. Вместо привычного низкого, прокуренного баритона сорокапятилетнего мужика из горла вырвался

звонкий, чуть хрипловатый со сна юношеский тенор.

В этот момент в сознании словно прорвало плотину. Перед глазами замелькали чужие картинки, обрывки фраз, запахи, имена: *«Максимка, дурак, куда столько самогона хлещешь?»*, *«Диплом Тимирязевки получил — и в эту глушь, в Красный партизан, зоотехником!»*, *«Председатель опять орет, на ферме 2 две телки сдохли…»*

Михаил зажмурился, стиснув виски пальцами, переваривая хлынувший поток чужой памяти. Его звали Максим Петрович Громов. Двадцать три года от роду. Выпускник сельхозакадемии, направленный по распределению в глухой колхоз «Красный партизан» в Нечерноземье. Вчера вечером местный бригадир Семен Семеныч устроил молодому специалисту «прописку» с первачом, после которой парень, видимо, не выдержал ударной дозы сивухи. Сердце остановилось, освободив тело для нового хозяина.

— Так, спокойно, Громов. Без паники, — пробормотал он, спуская босые ноги на прохладные крашеные половицы. — Допустим, я умер. И каким-то неведомым образом перенесся в прошлое. Проверим факты.

Он подошел к облупленному трюмо в углу комнаты и всмотрелся в мутное, потемневшее от времени стекло. На него смотрел крепкий, жилистый парень с широкими плечами, густой копной русых волос и правильными, но еще совсем мальчишескими чертами лица. Вот только взгляд у этого парня был совсем не двадцатитрехлетний — тяжелый,

цепкий, привыкший оценивать людей и активы за три секунды.

Отвернувшись от зеркала, Максим подошел к столу. Рядом с граненым стаканом лежала сложенная вчетверо газета. Он развернул ее. «Правда». Четверг, 16 мая 1974 года. Цена 3 копейки. На передовице — отчет о трудовых победах хлеборобов Кубани и визит товарища Брежнева.

— Май семьдесят четвертого, — тихо усмехнулся Максим, чувствуя, как уходит похмельная дурь, уступая место холодному, привычному азарту кризис-менеджера. — Никаких тебе офшоров, никаких акционеров-предателей, ни «Газпрома», ни доллара по сто рублей. Только плановая экономика, партия и бескрайние поля.

Внезапно в сенях громко хлопнула дверь, и в избу без сту-

ка ввалился кряжистый мужик лет пятидесяти в засаленном пиджаке поверх тельняшки. От него за версту несло перегаром и махоркой.

— О, проснулся, студент! — рявкнул вошедший, скаля желтые от табака зубы. — А я думал, ты до обеда дрыхнуть будешь. Хорошо мы вчера посидели, а, Максим Петрович? Уважаю, не побрезговал с простым народом!

Память подсказала мгновенно: это и есть тот самый бригадир Семен Семеныч. Правая рука парторга и главный специалист по «усушке и утруске» колхозного добра. Именно он вчера подливал молодому зоотехнику самую ядреную мутную дрянь из отдельной бутылки.

— Здорово, Семеныч, — спокойно ответил Максим, не спеша натягивая на себя висящую на спинке стула клетчатую фланелевую рубашку. — Зачем пожаловал?

— Так беда на второй ферме, Петрович! — бригадир театрально развел руками, но в его маленьких глазках плясали хитрые, довольные огоньки. — Коровы с утра не доены, доярки шумят — кормов нет, автопоилки сдохли, а телята поносом исходят. Председатель Иван Степаныч рвет и мечет! Велел тебя прямо сейчас на ковер тащить. Сказал, если до обеда порядок не наведешь — вкатает выговор с занесением и в район телегу накатит, что ты с утра пьяный валяешься!

Семеныч явно ждал, что вчерашний выпускник сейчас затрясется от страха, начнет лебезить и просить у бывалого бригадира помощи — за «магарыч», разумеется, или за под-

пись на списание пары тонн несуществующего комбикорма.

Но Максим лишь застегнул пуговицы на манжетах, подошел к умывальнику, плеснул в лицо ледяной колодезной воды и вытерся жестким вафельным полотенцем.

— Значит, кормов нет, говоришь? — тихо переспросил Максим, глядя бригадиру прямо в переносицу. — А куда ж они делись, Семеныч, если по накладным три дня назад с районной базы четыре тонны комбикорма завезли? Я вчера перед застольем бумаги в конторе глянуть успел.

Улыбка сползла с лица бригадира так быстро, словно ее смыло водой.

— Ты это… ты чего мелешь, пацан? — засипел он, делая шаг вперед. — Мыши сожрали! И вообще, не твоего ума дело складские бумаги копать! Твое дело — коровам хвосты крутить!

— Мое дело — чтобы хозяйство прибыль давало, — жестко отрезал Максим, беря со стола фуражку. — Пошли на ферму, Семеныч. И заодно на склад заглянем. Посмотрим, что это за мыши у нас завелись, которые по четыре тонны за три ночи сжирают. Видать, размером с трактор «Беларусь».

Бригадир открыл было рот, чтобы выругаться, но наткнулся на ледяной, тяжелый взгляд двадцатитрехлетнего сопляка и невольно попятился к двери. Впервые за двадцать лет работы в колхозе Семен Семеныч почувствовал, что его привычная, отлаженная жизнь дала первую трещину.

Глава 2. Хозяйство в руинах

Утро в деревне Березовка пахло дымком из печных труб, мокрой травой и свежим навозом. Майское солнце только-только поднялось над кромкой березового леса, окрашивая расквашенную весенней распутицей грунтовку в золотисто-рыжий цвет.

Максим шагал размашисто, привыкая к новому, легкому и сильному телу. Никакой одышки, никакого ноющего поясничного остеохондроза, который донимал его в сорок пять лет. Двадцать три года — это, черт возьми, целый капитал.

Семен Семеныч пыхтел на полшага позади, едва поспевая за молодым зоотехником. Бригадир то и дело косился на широкую спину парня, пытаясь понять, что за муха укусила вчерашнего скромного студентика.

— Ты, Петрович, не горячись, — заискивающе загудел Семеныч, на ходу доставая из кармана мятую пачку «Беломора». — Дело-то житейское. Ну, списали малость на усушку, ну, крысы погрызли... У нас в колхозе так испокон веку заведено. Ты парень городской, институты кончал, а жизни не знаешь. Тут ведь как: не подмажешь — не поедешь. Если мы с тобой общий язык найдем, так и тебе на карман копейка перепадет, и в бумагах все гладко будет. А начнешь правду-матку резать — так сам же первый и сгоришь. Председатель наш, Иван Степаныч, мужик хоть и фронтовик, а устал.

Ему тишина нужна до пенсии.

Максим не ответил. Он свернул с центральной улицы к окраине села, где за покосившимся деревянным забором виднелись длинные приземистые строения молочно-товарной фермы 2.

Когда они подошли ближе, у бывшего владельца многомиллиардного агрохолдинга едва не свело скулы.

Картина напоминала декорации к фильму о послевоенной разрухе. Длинный кирпичный коровник с провалившейся местами шиферной крышей утопал в непролазной жиже из грязи и навоза. Сгнившие деревянные ворота висели на одной петле. Рядом, у покосившейся силосной башни, в глубокой колее намертво завяз ржавый колесный трактор МТЗ-50 с оторванным крылом.

— Вот, полюбуйся, — развел руками Семеныч, словно даже гордясь этим бардаком. — Пятьдесят голов дойного стада да три десятка молодняка. Поить нечем — насос в водокачке еще на прошлой неделе крякнул, а в районе запчастей шиш. Доярки воду ведрами из колодца таскают, вот и бастуют бабы.

Максим молча толкнул тяжелую, перекошенную дверь коровника и шагнул внутрь.

В нос ударил густой, удушливый смрад аммиака и прелой соломы. Вентиляция не работала — лопасти старых вентиляторов под потолком заросли паутиной и пылью. В тусклом свете, пробивающемся сквозь грязные, засиженные мухами окна, в стойлах стояли коровы.

Громов подошел к ближайшей пестрой буренке и провел ладонью по ее впалым бокам. Ребра пересчитывались на ощупь, как штакетник у забора. Шерсть тусклая, свалявшаяся, на ногах — корка засохшего навоза. Из-за такой антисанитарии мастит для стада был лишь вопросом пары недель.

В дальнем конце коровника у пустых кормушек сидели на перевернутых ящиках четыре доярки в застиранных синих халатах и резиновых сапогах. Рядом стояли пустые алюминиевые бидоны. Женщины громко лузгали семечки и о чем-то оживленно судачили, но при виде вошедшего начальства разом притихли.

— О, явился, не запылился! — первой подала голос крупная, краснощекая баба лет сорока с командным голосом. —

Ну что, товарищ зоотехник, проспался? Где корма? Где вода? Мы за трудодни спины гнуть не нанимались, когда даже автопоилки сухие стоят!

— Как зовут? — спокойно спросил Максим, не повышая голоса, но глядя женщине прямо в глаза.

Доярка на секунду осеклась от такого тона, но тут же снова уперла руки в бока:

— Глафира я! Старшая доярка! И за всех баб скажу: пока воду не дадите и комбикорм нормальный не привезете — к коровам не подойдем! Пусть хоть лопнут!

Максим медленно обвел взглядом помещение. В голове кризис-менеджера уже щелкали невидимые счеты, раскладывая хаос по полочкам. Первое: люди потеряли страх и уважение к руководству, потому что руководство само ворует и ничего не делает. Второе: технологическая цепочка порвана — нет воды, нет корма, нет ветеринарного контроля. Третье: без быстрой, демонстративной победы его здесь сожрут через три дня.

Он повернулся к ухмыляющемуся Семенычу:

— Где находится водокачка и кто в колхозе отвечает за ремонт техники?

— Водокачка за бугром, у пруда, — лениво махнул рукой бригадир. — А механик наш, Михалыч, в мастерской сидит. Только толку с него — как с козла молока. Старый пень, упертый, как баран, говорит, что без нового сальника и подшипника насос не запустить. А их на базе нет и до осени

не предвидится.

— Значит, говоришь, до осени не предвидится? — усмехнулся Максим. В прошлой жизни он начинал карьеру с обычного инженера-механика на ремонтном заводе, и советскую технику знал с закрытыми глазами до последнего болта. — Отлично. Семеныч, дуй на склад, выписывай два мешка отрубей и мешок соли — под мою личную ответственность. Через полчаса чтобы были здесь.

— Да я… да как же без подписи председателя… — замялся бригадир.

— Я сказал — под мою ответственность, — ледяным тоном перебил Максим. — Если через тридцать минут корма не будет у коров, я прямо сейчас иду в контору, поднимаю все накладные за последний квартал и еду в райком с докладной. Понял меня, Семен Семеныч?

Бригадир побледнел, сглотнул вязкую слюну и, буркнув что-то неразборчивое, пулей вылетел из коровника.

Доярки переглянулись. Глафира прищурилась, явно не понимая, блефует молодой сопляк или говорит всерьез.

— А вы, женщины, — повернулся к ним Максим, — готовьте бидоны и мойте вымя коровам. Через час вода в поилках будет. Обещаю. А кто сегодня к вечеру даст надой выше прошлой недели на двадцать процентов — лично выпишу премию из фонда бригадира.

Не дожидаясь ответа, Максим развернулся и быстрым шагом направился в сторону машинно-тракторной мастерской.

Первый бой был принят. Теперь нужно было показать этим людям, что в «Красном партизане» появился настоящий хозяин.

Глава 3. Знакомство с «элитой»

Машинно-тракторная мастерская встречала тишиной и густым запахом солярки, горелого масла и железа. Внутри длинного, закопченного ангара царил полумрак, разрезаемый косыми столбами пыльного солнечного света, бьющего сквозь высокие мутные окна.

У разобранного двигателя трактора ДТ-75 стоял сухонький, жилистый старик в промасленной до блеска спецовке и сдвинутой на затылок кепке. Он сосредоточенно вытирал руки ветошью и тихо, но с чувством крыл кого-то по матушке.

— Здорово, Михалыч, — негромко сказал Максим, подходя ближе.

Старик вздрогнул, обернулся и смерил молодого парня колючим, недоверчивым взглядом из-под кустистых седых бровей.

— Ну, здорово, коли не шутишь. Ты чей будешь? А-а, зоотехник новый. Вчерашний гуляка. Чего надо? Солярки на разжижку не дам, самому не хватает.

— Мне не солярка нужна, Михалыч. Мне вода на второй ферме нужна. Через сорок минут.

Механик фыркнул, сплюнул на земляной пол и отвернулся к своему трактору:

— Иди проспись, парень. Я уже три дня всем талдычу: на насосе сальник в труху размолотило и подшипник заклини-

ло. На базе в районе таких нет, заявка только на июль подписана. Хоть в обком пиши — нету запчастей!

— Подшипник двести шестой закрытый? А вал на тридцать? — спокойно уточнил Максим, присаживаясь на корточки у верстака.

Михалыч замер с ветошью в руках и медленно повернул голову:

— Откуда знаешь?

— В институте не только коровам хвосты крутить учили, — усмехнулся Громов. В прошлой жизни он перебрал сотни таких центробежных насосов. — Сальник на замену вырезается из толстой маслостойкой резины от старой тракторной камеры, пропитывается графитовой смазкой и поджимается медной шайбой. А двести шестой подшипник стоит на старой списанной сеялке, что у тебя за забором в крапиве ржавеет. Я ее еще с дороги приметил. Снять, промыть в керосине, набить солидолом — до осени как миленький отпашет.

В мастерской повисла тишина. Старый механик смотрел на двадцатитрехлетнего пацана так, словно тот только что предложил слетать на Луну на печной трубе. Потом медленно почесал затылок, сдвинув кепку на лоб.

— Резина от камеры, говоришь?.. С медной шайбой... А ведь верно, мать твою за ногу! Прижмет так, что ни капли не пропустит! — Михалыч вдруг оживился, глаза его заблестели профессиональным азартом. — Эй, Витька! — гаркнул он в глубину ангара, откуда тут же вынырнул чумазый

паренек-подмастерье. — Бегом за кузню, снимай ступицу со старой сеялки! Да поживее! А ты, зоотехник, хватай вон тот ящик с ключами. Пойдем на водокачку, покажешь, какой ты мастер на словах!

Через тридцать пять минут старый насос на пруду, чихнув пару раз, мерно загудел. По ржавым трубам с глухим бульканьем пошла ледяная вода, наполняя автопоилки в коровнике. Когда доярки услышали шипение клапанов и увидели, как коровье стадо жадно припало к воде, в помещении на секунду стало тихо, а потом бабы загудели, заулыбались и загремели бидонами.

Михалыч, вытирая пот со лба промасленным рукавом, уважительно хлопнул Максима по плечу:

— Башковитый ты парень, Громов. Уважаю. Ежели что по технике понадобится — приходи, всегда подсоблю.

Но радоваться было рано. Едва Максим вышел из коровника, как со стороны центральной усадьбы к ферме, поднимая тучи пыли, подкатил зеленый колхозный «газик». Из машины тяжело выбрались двое.

Первым шел плотный, кряжистый мужчина лет шестидесяти в выцветшем кителе без погон, но с орденскими планками на груди — председатель Иван Степанович. Лицо у него было серое, одутловатое, с глубокими мешками под глазами. За ним, словно тень, семенил невысокий, вертлявый мужичок в аккуратном сером костюме при галстуке и с неизменным кожаным портфелем под мышкой. Парторг колхоза,

Аркадий Борисович.

— Ну и что здесь за балаган, товарищ Громов?! — еще издали загремел председатель, наступая на Максима. — Мне докладывают, ты с утра на ферме смуту наводишь! Доярок баламутишь, бригадира без моего ведома на склад гоняешь! Кто тебе право давал самовольничать?!

— Здравия желаю, Иван Степанович, — твердо, не отводя взгляда, ответил Максим. — Я не баламучу, я работу налаживаю. Воду на ферму мы только что дали. Корма — две тонны отрубей и соль — Семеныч уже подвозит на телеге. Коровы накормлены и напоены. Доярки приступили к дойке.

Председатель опешил, споткнувшись на полуслове. Он недоверчиво покосился на открытые ворота коровника, откуда действительно доносился мерный стук доильных аппа-

ратов и довольное мычание сытых коров.

— Как дали воду? — нахмурился Иван Степанович. — Михалыч же вчера божился, что насос помер!

— Починили. Своими силами, без затрат из бюджета колхоза, — спокойно ответил Максим.

Вперед тут же выступил парторг Аркадий Борисович. Он поправил галстук, сложил губы куриной гузкой и вкрадчивым, скрипучим голосом произнес:

— Инициатива, товарищ Громов, дело похвальное. Но у нас в советском хозяйстве существует субординация и партийная дисциплина. А ты, насколько мне известно, вчера прибыл — и сразу устроил пьянку с бригадиром! А сегодня с утра на склад без ордера лезешь! Не с того начинаешь, молодой человек. Ох, не с того! Мы ведь можем и в райком комсомола сигнализировать о твоем моральном облике!

Максим перевел взгляд на парторга. В прошлой жизни таких кабинетных крыс и серых кардиналов он пережевывал на завтрак десятками. Громов мгновенно просчитал расклад: председатель — мужик честный, но сломленный усталостью и болезнями, всем в колхозе заправляет этот скользкий тип с портфелем в связке с бригадиром Семенычем.

— Про моральный облик — это вы верно подметили, Аркадий Борисович, — с легкой, опасной улыбкой ответил Максим. — Я как раз сегодня утром начал ревизию складских ведомостей за май. Очень интересные цифры там вырисовываются по расходу комбикорма и горюче-смазочных ма-

териалов. Прямо-таки просятся на стол в районный ОБХСС. Не хотите вместе посмотреть, куда четыре тонны зерна за три дня испарились?

Лицо парторга на долю секунды пошло красными пятнами, а пальцы мертвой хваткой вцепились в ручку портфеля. Председатель же, услышав про пропажу четырех тонн корма, резко повернул голову к своему заместителю по партийной линии.

— Каких четырех тонн, Аркадий?! — глухо спросил Иван Степанович, сдвигая брови. — Ты же мне докладывал, что все на откорм бычков ушло!

— Да мало ли что он там напутал в бумагах, Иван Степанович! — быстро затараторил парторг, пряча бегающие глаза. — Студент вчерашний, в учете не разбирается! Разберемся в конторе, без шума!

— Обязательно разберемся, — кивнул Максим, глядя прямо на председателя. — Но сначала дайте мне на две недели полную свободу рук на второй ферме. Никаких проверок, никакого вмешательства бригадира. Если через четырнадцать дней я не подниму надои на треть и не прекращу падеж телят — сам напишу заявление и уеду. А если подниму — наведем порядок во всем колхозе. Идет, Иван Степанович?

Старый фронтовик долго, тяжело смотрел в глаза молодому зоотехнику. Видимо, увидел в них ту самую сталь, которой так не хватало ему самому в последние годы.

— Идет, — хрипло выдохнул председатель, махнув рукой. — Действуй, Громов. Но смотри: не справишься — шкуру спущу. Аркадий, в машину! Едем в контору, ведомости смотреть будем!

«Газик» взревел мотором и умчался в сторону села, оставив за собой облако пыли. Максим проводил его спокойным взглядом. Первый раунд остался за ним. Но он прекрасно понимал: парторг и бригадир так просто кормушку не отдадут. Уже этой ночью стоит ждать гостей на ферме.

Глава 4. Война с несунами

Ночь опустилась на Березовку густая, хоть глаз выколи. Луна спряталась за тяжелыми весенними тучами, ветер стих, и лишь со стороны пруда доносилось ленивое кваканье лягушек да изредка вздыхали в стойлах сытые коровы.

Максим сидел на чердаке старого кормового сарая, примыкавшего к ферме 2. Сквозь широкую щель в рассохшихся досках ему отлично просматривался весь внутренний двор, ворота склада и грунтовка, уходящая в сторону лесополосы.

На коленях у него лежала тяжелая, отполированная до блеска березовая слега, которую он прихватил у дровяного сарая, а в кармане фуфайки покоился увесистый советский фонарик с плоской батарейкой.

— Не придут, — тихо прошептал сидевший рядом чумазый подмастерье Витька. Парень, которого Максим вечером переманил на свою сторону обещанием научить перебирать карбюратор с закрытыми глазами и выбить нормальную ставку ученика слесаря, то и дело ежился от ночного холода. — Побоятся, Петрович. Ты же днем при председателе про ОБХСС заикнулся.

— Как раз поэтому и придут, Витька, — так же тихо ответил Максим, не отрывая взгляда от темноты. — Когда крыса чувствует, что нору скоро зальют бетоном, она пытается утащить все припасы за одну ночь. Завтра утром я начну офи-

циальную инвентаризацию с описью. Им нужно сегодня замести следы и вывезти остатки. Сиди тихо и не сопи.

Прошло еще около часа. Деревня давно погасила огни, пропели первые петухи. Витька уже начал клевать носом, как вдруг Максим легонько тронул его за плечо.

Со стороны проселочной дороги послышался приглушенный, задушенный рокот двигателя. Кто-то ехал на малых оборотах, стараясь не шуметь. Фары не горели.

Темная громада бортового грузовика ГАЗ-51 медленно вползла на двор фермы и, развернувшись задом, тихо приткнулась к распахнутым дверям кормового склада.

Дверца кабины скрипнула. Из нее выпрыгнул кряжистый силуэт, в котором Максим безошибочно узнал бригадира Семеныча. Следом из кузова спрыгнули еще двое — здоровенный, вечно хмурый тракторист Степан по прозвищу Бык и ночной сторож фермы, дед Прохор, который по идее должен был охранять колхозное добро, а на деле сам открыл замок.

— Давай быстрее, шевелись! — прошипел Семеныч, озираясь по сторонам. — Двадцать мешков отрубей и десять комбикорма. Аркадий Борисович сказал, в городе скупщики уже ждут, к утру наличкой рассчитаются! А утром этому студенту пустые закрома покажем — пусть докажет, что тут что-то было!

Троица споро принялась за дело. Здоровый как медведь Степан легко закидывал пятидесятикилограммовые мешки на плечо и швырял их в кузов. Дед Прохор светил себе под

ноги прикрытым ладонью фонариком, а Семеныч стоял на стреме у угла сарая, нервно попыхивая зажатой в кулаке папиросой.

Максим дождался, пока в кузов полетит десятый мешок — железная, неопровержимая улика кражи в крупных размерах. После этого он бесшумно поднялся, кивнул Витьке, чтобы тот оставался на месте и по сигналу бежал за председателем, и начал спускаться по приставной лестнице внутри сарая.

Он вышел из тени склада тихо, как волк, перехватив березовую слегу поудобнее.

— Бог в помощь, мужики! — громко и весело произнес Максим, полоснув лучом фонаря прямо по глазам стоявшего на стреме бригадира. — Никак, ночная разгрузка по стахановскому методу?

Семеныч охнул, словно ему дали под дых, и отшатнулся к стене. Дед Прохор с перепугу выронил свой фонарик, который с треском разлетелся о камни, и запричитал:

— Свят, свят, свят! Зоотехник! Откуда взялся?!

Тракторист Степан замер на трапе с очередным мешком на плече. Он медленно спустил груз на землю, хрустнул огромными кулаками и шагнул вперед, заслоняя собой свет фонаря.

— Ах ты ж гнида городская... — глухо зарычал Степан, надвигаясь на Максима. В темноте блеснуло лезвие выкидного ножа, который тракторист выхватил из кармана ватни-

ка. — Я тебя предупреждал, пацан, не лезь в чужое! Сейчас мы тебя в силосную яму спустим — до осени никто не найдет!

Семеныч тут же пришел в себя и визгливо подхватил:

— Вали его, Степа! Вали! На двоих распишем, скажем, сам пьяный в яму свалился!

Вся троица начала медленно окружать Максима, отрезая ему путь к отступлению. Тракторист с ножом шел в лоб, Семеныч заходил слева с тяжелым гаечным ключом в руке, а дед Прохор перехватил вилы.

Но они не знали одного. В теле двадцатитрехлетнего деревенского парня сейчас сидел человек, прошедший суровые девяностые, умеющий драться грязно, жестко и без жалости.

— Витька, пошел! — крикнул Максим в сторону чердака.

И в ту же секунду, не дожидаясь, пока круг замкнется, он сам рванул вперед, крутанув березовую слегу наотмашь прямо в колено надвигающемуся с ножом Степану...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.